

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-46-52
EDN: ERMILP

Анатомия метафоры в поэзии Константина Кравцова

Елена Викторовна Никкарева

Старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
enikkareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Аннотация. В статье предпринята попытка с позиций семантической поэтики рассмотреть особенности текстостроения и образности в лирике Константина Кравцова (р. 1963), обусловленные особой оптикой лирического субъекта. Поэт, творчество которого стало объектом изучения, относится к особой группе поэтов, представляющих, по определению И. Кукулина «новую религиозную поэзию», вместе с тем евангельские образы, особый теологический дискурс, определяя идеостиль К. Кравцова, не дают полного представления о его художественном методе. Оцельняющим началом в стихотворениях К. Кравцова выступает антиномичность авторского сознания, его стремление преодолеть любые формы завершенности (творческого акта, смысла, образа и др.). На примере стихотворения «Ночь» (сборник «Арктический лен»), а также его вариантов, рассматриваемых в синхроническом и диахроническом аспектах, и стихотворения «Успение», в котором представлены те же корреляты «лес – свещница», автором статьи предпринята попытка выявить механизмы создания образа в поэзии К. Кравцова и предлагается определить ее базовое свойство как энантиотропию образа. Автор приходит к выводу, что избираемые К. Кравцовым художественные средства призваны реализовать принцип нераздельности и неслиянности (в том числе в варианте халкидонского догмата): ведущим композиционным принципом поэтики становится герменевтический круг; лиминальные топосы и мотивы (метаморфозы, преодоления / снятия границ, преобразования); получившие символическое значение приполярные атрибуты; тропы («метафораотражение» (Н. Черных), двойная аллегория (И. Кукулин)) и даже избираемые автором словообразовательные модели выступают как частные способы преодоления антиномичности бытия.

Ключевые слова: К. Кравцов; энантиотропия образа; индивидуально-авторская картина мира; метафора; антиномия; синкретизм; поэтика

Для цитирования: Никкарева Е. В. Анатомия метафоры в поэзии Константина Кравцова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 46–52. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-46-52>. <https://elibrary.ru/ERMILP>

Original article

Anatomy of metaphor in Konstantin Kravtsov's poetry

Elena V. Nikkareva

Senior lecturer at the department of cultural sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
enikkareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Abstract. The article attempts to consider the peculiarities of text formation and imagery in Konstantin Kravtsov's (b. 1963) poetry, based on the specific optics of the lyrical character, from the standpoint of semantic poetics. The poet, whose work is the object of the study, belongs to a special group of poets, representing, according to I. Kukulin, «the new religious poetry». At the same time, evangelical images and a special theological discourse, although defining K. Kravtsov's ideostyle, do not give a complete picture of his artistic method. The antinomy of the author's consciousness, his desire to overcome any form of completeness (the creative act, meaning, image, etc.) are an integrating element in K. Kravtsov's poems. The author of the article makes an attempt to identify the mechanisms of image creation in K. Kravtsov's poetry and offers to define its basic property as the enantiotropy of the image. The material for the analysis is the poem «Night» (collection «Arctic Flax»), as well as its variants, considered in the synchronous and diachronic aspects, and the poem «Assumption». The author concludes that Kravtsov's artistic means are intended to realize the principle of inseparability and non-conflation (including a variant of the Chalcedonian dogma): the leading composi-

tional principle of poetics is the hermeneutic circle; liminal topos and motifs (metamorphosis, overcoming/ removing boundaries, transformation); the symbolic meaning of the circumpolar attributes; tropes («metaphor-reflection» (N. Chernykh), double allegory (I. Kukul'in)) and even the word-formation models chosen by the poet act as particular ways of overcoming the antinomy of being.

Key words: K. Kravtsov; enantiotropy of the image; individual author's picture of the world; metaphor; antinomy; syncretism; poetics

For citation: Nikkareva E. V. Anatomy of metaphor in Konstantin Kravtsov's poetry. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2022;(2):46–52. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-46-52>. <https://elibrary.ru/ERMILP>

Введение. Константин Павлович Кравцов родился на Ямале, в г. Салехарде. Первые публикации в региональной прессе и на радио состоялись в 1979 г., однако первый поэтический сборник «Приношение», посвященный памяти отца, вышел в 1998 г. После него у Константина Кравцова вышло еще шесть поэтических книг: «Январь» (2002 г.), «Парастас» (2006 г.), «Аварийное освещение» (2010 г.), «На север от скифов» (2013 г.), «Эхолот» (2013 г.), «Арктический лен» (2017 г.).

Место Константина Кравцова в современной поэзии Е. А. Ермолин определяет как стезю Ивана Жданова или Ольги Седаковой, а М. Степанова пишет: «Место Кравцова в текущей словесности – особое; при внешней вовлеченности он все время остается где-то около, сбоку, в стороне от общего движения» [Степанова, 2013, с. 6]. Во многом это отличие обусловлено художественным методом, который, по замечанию Е. Вежлян, характеризуется сочетанием «приемов семантической поэтики (Мандельштам – один из ближайших истоков поэзии Кравцова) и христианской экзегезы» [Вежлян, 2007], а Е. А. Ермолин определяет его как неосимволизм или мистический инуитивизм [Ермолин, 2011, с. 14]. Наличием повседневного богослужебного опыта, конфессиональной религиозностью художественная практика поэта-священника (К. Кравцов принял священнический сан Русской Православной Церкви в 1999 г.) не ограничивается. Рассматривая религиозность в поэзии К. Кравцова и С. Круглова как проявление «социально-психологического бунтарства, разрыва с традицией, осмысления субъективности», И. Кукулин приходит к выводу, что в 2000-е годы «в русской литературе появился ранее отсутствовавший в ней тип самосознания» [Кукулин, 2019, с. 358]. И, действительно, созданная К. Кравцовым модель художественного мира, восходящая к «первохристианскому опыту Царства как реальности, данной здесь и сейчас» (К. Кравцов о Мандельштаме [Кравцов, 2021, с. 129]), предьявляя читателю устойчивый сим-

волический язык, отражает особый тип **лиминального** сознания, для которого антиномия – единственно возможный вариант бытия.

При этом осмысление индивидуальной поэтики К. Кравцова в ее типологических и контекстуальных связях, а также отмеченные исследователями особенности индивидуально-авторской картины мира не дают в полной мере представления о «механике» текстопорождения и функционировании художественного слова (хотя эти задачи частично решают вступительная статья Н. Черных к сборнику «Аварийное освещение» [Черных, 2010], статьи О. Кравцовой о стихотворении «Атлантика» [Кравцова, 2019] и В. Разумова о стихотворении «Олени» [Разумов, 2018] и образе самарянки-поэзии [Разумов, 2020]).

Основная часть. Поэтику К. Кравцова, на наш взгляд, продуктивно рассматривать в русле предлагаемой А. С. Бокаревым методологии, как «опирающуюся на принцип синкретизма и реализованную в субъектной и образной сферах текста» [Бокарев, 2021, с. 12], с той оговоркой, что поэтика метаморфоз у К. Кравцова, направлена на сознательное преодоление любых форм завершенности, в том числе завершенности отдельного текста: «книги стихов Константина Кравцова делятся, перетекают одна в другую, тексты бесконечно плаваются, плывут и кристаллизуются вновь в тигеле авторских редактур» [Круглов, 2010, с. 12]. М. Степанова так характеризует творческий метод К. Кравцова: «...то, что притворяется книгой стихотворений, на самом деле таковой не является – стихотворение здесь не единица, как и сама книга (хотя она пишется, становится буквально на наших глазах), – а часть большого, заведомо большего целого. И поэтому границы между отдельными вещами нет (или она фиктивна, и образы и строчки свободно перебегают туда-сюда, словно все они связаны между собой разветвленной и нежной системой). Собственно говоря, то, что делает Кравцов, – образцовый символистский текст» [Степанова, 2013,

с. 35]. Поэтому, хотя далее мы будем применять термин «вариант» к генетически родственным текстам, отдадим себе отчет, что вариантами в текстологическом понимании они не являются.

Принцип текстопорождения, восходящий к герменевтическому кругу, можно продемонстрировать на примере стихотворения «Ночь» из сборника «Арктический лён»:

Этих **морозных закатов** скрижали,
ягель, арктический лён, ветреница,
след самолета – все канет в развале
памяти, мудрой избытком печали,
если не горя. И **ночь** воцарится –
нищенство ночи, как было в начале:

пустошь, вода, неусыпная птица [Кравцов, 2017, с. 35].

«Ночь» – один из целого ряда текстов, в которых мир предстает в переходном состоянии (лирическим субъектом мир воспринимается до момента творения) и кристаллизуется в метафоре «нищенство ночи». Вспомним: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» [Книга Бытие 1: 1–2]. При таком прочтении «неусыпная птица» будет восприниматься как метафора Духа Божия, что не противоречит толкованиям Священного Писания. Однако интерпретация поэтического текста может меняться в зависимости от того, в какой культурной парадигме мы его прочитываем, не отменяя предыдущую, но дополняя ее. Можно воспользоваться термином И. Кукулина, который определил подобную оптику как парадоксальную, или двойную, аллегория [Кукулин, 2019, с. 381]. Слово «птица», выступающее в прямом значении, актуализирует корпус распространенных среди коренных народов Севера мифов о птице-помощнике демиурга и втором творении мира после Всемирного Потопа. Этот миф К. Кравцов воспроизводит и в другом стихотворении: «...и **красноголовый нырок** ил приносит со дна / Или грязи комок, чтобы **вылепил мир, как в начале**» [Кравцов, 2013, с. 57]. Аллюзия, возникающая в одном тексте, в другом оборачивается парафразом, приобретая сюжетную определенность.

Еще один ключ к финальному стиху «Ночи» дает обращение к другим вариантам стихотворения. Так, в четверостишии «Свещница» образ мира до творения («нищенство ночи») раскрывается через синкретический образ «Тундроводы»:

Луч в **переполненной свещнице** леса
Рифма случайная – и воцарится
Нищенство ночи, как было в начале
Тундровода (курсив К. Кравцова) неусыпная
птица [Кравцов, 2015].

При этом выбранная поэтом словообразовательная модель – сложение полных основ с помощью соединительных гласных – не случайна, поскольку указывает на отношения неслиянности и нераздельности (ср., например, Богочеловечество, радостопечалие).

Образ тундроводы, обнажая связь с денотатом (в стихотворении «Переходя к Восьмому дню» из сборника «Парастас» К. Кравцов говорит о лесе: «...выйдя из вод, он уходит под воду» [Кравцов, 2006, с. 49]), актуализирует не только сигнификативное и коннотативное значения (состояние мира до творения), но особое мифологическое сознание поэта, стягивающее в одну точку пространственные и временные координаты. Так, если в стихотворении «Ночь» в зависимости от интерпретации речь может идти как о творении мира, так и о воссоздании после Потопа, то в «Переходя к Восьмому дню» из сборника «Парастас» образ тундры возникает в связи с Антипасхой – восьмым днем по Пасхе, о котором свт. Григорий Богослов в слове «На Неделю Новую» говорил, что «подобно первому творению (сотворению мира), начавшемуся днем недельным (воскресным), так и новый, обновленный Воскресением Христовым мир начинается днем недельным» [Православная энциклопедия, 2001].

При этом, развертывая «анатомию метафоры» К. Кравцова (как виртуозно это проделал Б. А. Успенский с метафорой О. Мандельштама), мы не можем не заметить, что коррелятам «**нищенство** ночи» и «пустошь, вода...», появившимся в «Ночи», в «Свещнице», антиномична «**переполненная свещница** леса», а в «Переходя к Восьмому дню» «свечи, зажженные к крестному ходу», маркируя переход (пасху) мира в качественно новое состояние (от тьмы к свету и наоборот). Возвращение к миру до катастрофы, до грехопадения, это не возвращение к потеряному раю, и даже не возвращение к золотому веку, в прекрасную Аркадию, легендарную Гиперборею, это в поэзии Константина Кравцова – движение по кругу («хоровод», «коловращение», «круговращенье»). Этот принцип поэт опишет в эссе «Цвет мерзлоты» (1999), которое: «...распадаясь, рассеиваясь, как роящийся сам в себе снег или пух, проваливающийся, плавая неровными кругами, в незримую пустоту, в

нескончаемое коловращение, при котором *память и беспомыслие необъяснимо слились, став чем-то третьим – не памятью и не беспомыслием или и памятью, и беспомыслием...*» [Кравцов, 2013, с. 105]. Это позволяет, возвращаясь к стихотворению «Ночь», выявить еще один коррелят топоса «нищенство ночи» – оксюморонный образ *«канет в развале памяти мудрой избытком печали...»*, включающий семы пустоты (кеномы) и наполненности (плеромы) одновременно. Таким образом, по аналогии с химическими процессами мы определяем базовое свойство образности в поэтике К. Кравцова как энантиотропию образа (обратимость перехода одной модификации в другую, антиномичную ей). Так, в посвященном первой жене – Ирине Перуновой – стихотворении-эссе «Ласточкин хвост» К. Кравцов формулирует принцип своей поэтики: *«И “только в восторге разрушения / Приоткрывается смысл божественного творения, – писал Шлегель, – / Только посреди смерти сияет смысл вечной жизни”»* [Кравцов, 2017а]. Энантиотропные образы свидетельствуют не об апокалиптическом сознании поэта, но об особом зрении, присущем лирическому субъекту К. Кравцова (и, уточним, самому автору. – Е. Н.), воспринимающему мертвых как живых и наоборот [Черных, 2010, с. 9]. Именно это свойство поэтической оптики К. Кравцова позволяет определить «врата ночные» как врата Небесного Града (хотя, согласно «Откровению святого Иоанна Богослова», «...ночи там не будет» [Откровение святого Иоанна Богослова 21.25]), а Дорогу Мертвых, опосредованную образом Млечного пути в шумерской мифологии, – как Дорогу Живых («...и Дорога Живых – эта млечная тишь» [Кравцов, 2006, с. 16]).

Катализаторами памяти, опредмечивающими ее, выступают постоянные пространственные образы («дымы зелено-голубые», «бинты» проводов и улиц, «недреманное око» солнца, «след самолета» и др.), неизменно связанные с топосом Север. Как пишет Наталья Черных, «...Константин Кравцов – единственный автор, в поэзии которого *посткатастрофическое пространство-время* без постороннего усилия – «свыше» – *сливается* с медитативно-угрюмой *северной географией*» [Черных, 2013, с. 9]. *Открывающая стихотворение «Ночь» кумуляция образов – «...морозных закатов скрижали, ягель, арктический лён, ветреница, след самолета...» – при обращении к корпусу стихотворений в целом демонстрирует специфику*

отношений между статическим означаемым (пространственной реальией, сохраняемой глазом) и динамическим «поэтическим знаком». Как отмечает Дмитрий Бак: «„Тундра“, „ягель“ и иные приполярные атрибуты свидетельствуют не только о повседневном и символическом, ментальном опыте поэта-северянина, эти образы сопряжены с лагерным насилием, которое, в свою очередь, опосредованно связано с насилием, описанным в евангелиях...» [Бак, 2015, с. 270–271]. Так, знаменитая Северная транссибирская магистраль «Салехард – Игарка» (а точнее ее участок «Салехард – Старый Надым», строительство которого было начато в 1949 г. силами заключенных Главного управления лагерей НКВД СССР в практически необитаемой приполярной тундре), которая должна была соединить европейскую часть страны с дельтой Енисея, со времен перестройки получившая перифрастические определения «Мертвая дорога», «Сталинская дорога смерти», «Стройка на костях», становится для поэта, как он сам признался на презентации сборника «Арктический лён», состоявшейся 11 ноября 2017 г. в Юношеской библиотеке-филиале № 10 имени Н. А. Некрасова, метафорой родины, истории страны в XX в.

Мотив «движения по кругу» становится текстообразующим в стихотворении «Успение»:

Просто *Север и смерть*.

Просто солнцестояние вод

В венецианском стекле

Полярного круга:

Ангелы, Силы, Престолы —

Как по воде расходящийся *круг*

И золотой *сухостой*

Удлиненных фигур у одра:

Так свечи теснясь на каноне

Гнутся от жара

И видишь сквозь воду

Север и якобы смерть

Облака или белый хитон [Кравцов, 2017, с. 77]

В этом стихотворении анализируемый мотив реализуется на трех уровнях. Так, на уровне референта мы видим описание иконы «Успение Пресвятой Богородицы»: *скорбящих* апостолов, окруживших ее ложе (в более ранних вариантах текста: *«золотой сухостой удлиненных фигур / учеников у одра...»*); на уровне художественного мира Небесная иерархия, по Дионисию Ареопагиту, (*«Ангелы, Силы, Престолы»*) сопоставляет-

ся с кругами, расходящимися по воде, а склоненные фигуры апостолов – со свечами на каноне, при этом последнее сравнение, что у ложа Богородицы изображаются одна или несколько горящих свечей, символизирующих молитву ко Господу, как раз и образует синтетический, находящийся на границе референцируемой действительности и художественного мира, образ. Его анатомия раскрывается, если вспомнить уже рассматриваемый нами корпус стихотворений: «переполненная свещница леса» – «золотой сухой <...> фигур» = «свечи, теснясь на каноне...». Основой выступает обращение Христа к апостолам: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике (свещнице – Е. Н.), и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» [Св. Евангелие от Матфея 5:14–16].

При этом само стихотворение также организовано по принципу герменевтического круга. Обе строфы распадаются на две части, соотносимые с верхней и нижней частями иконы Успения Пресвятой Богородицы, свидетельствующими *смерть* и *воскресение*, однако происходит своеобразная «мена»: если в первой строфе смерть связана с образом «мертвой» воды – льда, а Ангелы, Силы, Престолы, запечатленные в верхней части иконы, отсылают нас к миру горнему, то во второй строфе о смерти напоминают фигуры скорбящих учеников, а вот вода уже живая, способная отражать облака, небо или белый хитон Богородицы – ее душу на руках у Христа. Смена христианской культурной парадигмы на мифологическую позволяет вновь говорить о двойной аллегории: в картине мира северных народов верх и низ меняются местами, и души по смерти уходят в «перевернутое» пространство.

Заключение. Характеризуя семантическую поэтику Константина Кравцова, предполагающую нечленимость смыслов, возвращение к «слову как таковому» в его первозданности, справедливо, на наш взгляд, говорить о том, что при имперсональности текстов К. Кравцова, в которых присутствие лирического субъекта обнаруживается как особое *видение* (например, метод обратной перспективы [Черных, 2010, с. 10]) или как результат бесконечного творческого акта (например, рифма, поэзия) или умственной деятельности (например, память), оцеляющее начало кравцовской лирики следу-

ет искать именно в антиномичности авторского сознания. Герменевтический круг как основа творчества, позволяющая преодолеть завершенность творческого акта, становится ведущим композиционным принципом (на уровне отдельного текста, поэтической книги и поэзии в целом), проявляясь и на образном уровне. В топосах, традиционно воспринимаемых как пограничные (дорога, лимб, лес, руина и др.), так же, как в лиминальных состояниях (сон, болезнь, воскресение и др.), поэта интересует их синкретическая природа (небесно-земное начало). Это позволяет нам определить базовое свойство поэтики К. Кравцова как энантиотропию образа. Такие тропы, как «метафораотражение» (Н. Черных), двойная аллегория (И. Кукулин), мотивы (метаморфозы, снятия границ, преобразования и др.), а также используемые поэтом словообразовательные модели, приемы языковой компрессии в таком случае выступают как способы преодоления антиномичности бытия, частные проявления выявленной нами особенности.

Библиографический список

1. Бак Д. Константин Кравцов, или «...есть, пойми, узкий путь...» // Бак Д. Сто поэтов начала столетия: пособие по современной русской поэзии. Москва: Время, 2015. С. 269–272. (Диалог).
2. Бокарев А. С. Поэтика русской лирики второй половины XX – начала XXI века: субъектная структура и образный язык. Ярославль, 2021. 425 с. С. 12.
3. Вежлян Е. Книжная полка Евгении Вежлян // Новый мир. 2007. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/1/ve17.html (дата обращения: 11.04.2022).
4. Ермолин Е. А. Трансавангард как парадигма современной литературы // Филологический класс. 2011. № 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transavangard-kak-paradigma-sovremennoy-literatury> (дата обращения: 14.04.2022).
5. Кравцов К. Арктический лен. Москва: Русский Гулливер, 2017. 156 с.
6. Кравцов К. В весельи и тайне // Врата Сибири: литературно-художественный и историко-краеведческий альманах. 2021. № 2 (57). С. 128–130.
7. Кравцов К. Ласточкин хвост // Урал. 2017а. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2017/3/lastochkin-hvost.html> (дата обращения: 11.04.2022).
8. Кравцов К. На север от скифов. Москва: Воймега, 2013. 72 с.
9. Кравцов К. Парастас. Москва: АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2006. 56 с. (Прил. К журналу «Воздух»; вып. 14).
10. Кравцов К. Проектор теплохода // Знамя. 2015. № 5. URL:

<http://znamlit.ru/publication.php?id=5921> (дата обращения: 11.04.2022).

11. Кравцов К. Цвет мерзлоты // Кравцов К. Эхолот. Салехард ; Екатеринбург : Северное издательство, 2013. С. 99–114.

12. Кравцова О. «Атлантика» и другое: о поэтике Константина Кравцова // Балкон : сетевой литературный журнал. 2019. Вып. 6. URL: http://lit-balkon.ru/s_publicism/atlantika-i-drugoe-o-poetike-konstantina-kravtsova.html (дата обращения: 11.04.2022).

13. Круглов С. Травелог Кравцова // Кравцов К. Аварийное освещение. Москва : «Русский Гулливер», 2010. С. 12–14.

14. Кукулин И. Возрождение религиозной образности в русской поэзии начала XXI века // Кукулин И. Прорыв к невозможной связи : статьи о русской поэзии. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. С. 355–387.

15. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II : в 47 т. Т. 2. Москва : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2001. С. 544–548. URL: <http://www.pravenc.ru/vol/ii.html> (дата обращения: 11.04.2022).

16. Разумов В. А. Образ самарянки в творчестве Константина Кравцова // Художественный текст глазами молодых : материалы IV международной научной конференции, Ярославль, 26 октября 2019 года. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2020. С. 237–244.

17. Разумов В. А. Особенности поэтики К. Кравцова (Анализ одного стихотворения) // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, 20–21 апреля 2018 года. Ярославль : Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. С. 385–389.

18. Степанова М. По направлению к раю // Кравцов К. На север от скифов. Москва : Воймега, 2013. С. 3–6.

19. Черных Н. Икона отсутствия, или Аварийное освещение // Кравцов К. Аварийное освещение. Москва : «Русский Гулливер», 2010. С. 7–11.

20. Черных Н. Сквозь темное стекло // Кравцов К. Эхолот. Салехард ; Екатеринбург : Северное издательство, 2013. С. 5–11.

Reference list

1. Bak D. Konstantin Kravcov, ili «...est', pojmi, uzkiy put'...» = Konstantin Kravtsov, or «...there is, you see, a narrow way...» // Bak D. Sto pojetov nachala stoletija : posobie po sovremennoj russkoj poezii. Moskva : Vremja, 2015. S. 269–272. (Dialog).

2. Bokarev A. S. Pojetika russkoj liriki vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka: sub#ektnaja struktura i obraznyj jazyk = Poetics of Russian poetry in the second half of XX – early XXI centuries: subject structure and figurative language. Jaroslavl', 2021. 425 s. S. 12.

3. Vezhljan E. Knizhnaja polka Evgenii Vezhljan = Eugenia Vezhlyan's Bookshelf // Novyj mir. 2007. № 1. URL:

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/1/ve17.html (data obrashhenija: 11.04.2022).

4. Ermolin E. A. Transavangard kak paradigma sovremennoj literatury = Transavantgarde as a paradigm for modern literature // Filologicheskij klass. 2011. № 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transavangard-kak-paradigma-sovremennoj-literatury> (data obrashhenija: 14.04.2022).

5. Kravcov K. Arkticheskij len = Arctic flax. Moskva : Russkij Gulliver, 2017. 156 s.

6. Kravcov K. V vesel'i i tajne = In merriment and mystery // Vrata Sibiri : literaturno-hudozhestvennyj i istoriko-kraevedcheskij al'manah. 2021. № 2 (57). S. 128–130.

7. Kravcov K. Lastochkin hvost = Swallowtail // Ural. 2017a. № 3. URL:

<http://magazines.russ.ru/ural/2017/3/lastochkin-hvost.html> (data obrashhenija: 11.04.2022).

8. Kravcov K. Na sever ot skifov = North of the Scythians. Moskva : Vojmega, 2013. 72 s.

9. Kravcov K. Parastas = Parastas. Moskva : ARGORISK; Tver': KOLONNA Publications, 2006. 56 s. (Pril. K zhurnalu «Vozduh»; vyp. 14).

10. Kravcov K. Prozhektor teplohoda = Motor ship spotlight // Znamja. 2015. № 5. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=5921> (data obrashhenija: 11.04.2022).

11. Kravcov K. Cvet merzloty = Permafrost color // Kravcov K. Jeholot. Salehard; Ekaterinburg : Severnoe izdatel'stvo, 2013. S. 99–114.

12. Kravцова О. «Атлантика» и другое: о поэтике Константина Кравцова = «The Atlantic» and beyond: On Konstantin Kravtsov's poetics // Balkon : setevoy literaturnyj zhurnal. 2019. Vyp. 6. URL: http://lit-balkon.ru/s_publicism/atlantika-i-drugoe-o-poetike-konstantina-kravtsova.html (data obrashhenija: 11.04.2022).

13. Kruglov S. Travelog Kravcova = Kravtsov's travelogue // Kravcov K. Avarijnoe osveshhenie. Moskva : «Russkij Gulliver», 2010. S. 12–14.

14. Kukulin I. Vozrozhdenie religioznoj obraznosti v russkoj poezii nachala XXI veka = The revival of religious imagery in early XXI century Russian poetry // Kukulin I. Proryv k nevozmozhnoj svjazi : stat'i o russkoj poezii. Ekaterinburg : Kabinetnyj uchenyj, 2019. S. 355–387.

15. Pravoslavnaja jenciklopedija = Orthodox encyclopedia / pod obshh. red. Patriarha Mosk. i vseja Rusi Aleksija II : v 47 t. Т. 2. М. : Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaja Jenciklopedija», 2001. S. 544–548. URL: <http://www.pravenc.ru/vol/ii.html> (data obrashhenija: 11.04.2022).

16. Razumov V. A. Obraz samarjanki v tvorcestve Konstantina Kravcova = The image of the Samara woman in Konstantin Kravtsov's work // Hudozhestvennyj tekst

glazami molodyh : materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Jaroslavl', 26 oktjabrja 2019 goda. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2020. S. 237–244.

17. Razumov V. A. Osobennosti pojetiki K. Kravcova (Analiz odnogo stihotvorenija) = Specific features of K. Kravtsov's poetics (Analysis of one poem) // Filologičeskie čtenija JarGU im. P.G. Demidova, Jaroslavl', 20–21 aprelja 2018 goda. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova, 2018. S. 385–389.

18. Stepanova M. Po napravleniju k raju = On the way to paradise // Kravcov K. Na sever ot skifov. Moskva : Vojmega, 2013. S. 3–6.

19. Chernyh N. Ikona otsutstvija, ili Avarijnoe osveshhenie = An icon of absence, or Emergency lighting // Kravcov K. Avarijnoe osveshhenie. Moskva : «Russkij Gulliver», 2010. S. 7–11.

20. Chernyh N. Skvoz' temnoe steklo = Through the dark glass // Kravcov K. Jeholot. Salehard ; Ekaterinburg : Severnoe izdatel'stvo, 2013. S. 5–11.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 08.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 12.02.2022; approved after reviewing 08.03.2022; accepted for publication on 28.04.2022